

The Concept of "Anxiety" in Chinese and Russian Linguistic Cultures

Концепция «тревожность» в китайской и русской лингвокультурах

Мустафина Юлия Альбертовна,

Королева Анна Сергеевна

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

Автор, ответственный за переписку:

YuAMustafina@kpfu.ru

Yulia A. Mustafina,

Anna S. Koroleva

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

YuAMustafina@kpfu.ru

УДК 81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38)

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о том, как эмоциональное состояние тревожность отражается в лексике и выражениях китайского и русского языков. Цель исследования — выявление и сопоставление сходств и различий в когнитивных моделях двух культур. Актуальность обусловлена тем, что интерес к ментальному здоровью в современном мире глобализации значительно вырос. Понимание различий в восприятии эмоций очень важно в межкультурной коммуникации. Для написания статьи были выбраны методы: метод концептуального анализа, компонентный анализ семантики и сравнительный метод. Теоретической и методологической базой послужили работы лингвистов Дж. Лакоффа, М. Джонсона, В.Н. Телии и других. Материал исследования:

ABSTRACT

This article explores how the emotional state of anxiety is reflected in the vocabulary and expressions of the Chinese and Russian languages. The aim of the study is to identify and compare similarities and differences in the cognitive models of the two cultures. This research is relevant because interest in mental health has grown significantly in today's globalized world. Understanding differences in the perception of emotions is crucial in intercultural communication. The following methods were used to write this article: conceptual analysis, component analysis of semantics, and comparative analysis. The theoretical and methodological basis is provided by the works of linguists J. Lakoff, M. Johnson, V. Telia, and others. Research material includes explanatory, etymological, and phraseological dictionaries of the

толковые, этимологические и фразеологические словари китайского и русского языков. Результаты исследования позволили установить сходства и различия в репрезентации концепта. Тревожность раскрылась как культурно-обусловленный феномен.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, концептуальная картина мира, тревожность, китайский язык, русский язык.

Для цитирования: Мустафина Ю.А., Королева А.С. Концепция «тревожность» в китайской и русской лингвокультурах. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 33–38 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38>

Введение

От Аристотеля до второй половины 20 века исследовали природу языка и эмоций. Первой фундаментальной работой, которая открыла дорогу исследованиям связи эмоции и языка, послужила работа Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных». Вильгельм Вундт в своем исследовании «Психологии народов» описал связь языка с эмоциями. Он считал, что язык отражает мироощущение народа. 1960-е—1970-е годы — период первых целенаправленных исследований по лингвистике эмоций.

Книга Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» стала переломным моментом в исследовании связи эмоции и языка. Авторы считают, что метафора — это когни-

тивный процесс использования известной конкретной вещи для понимания неизвестной абстрактной вещи (Лакофф, Джонсон 2004, 25–68). Эмоции как раз являются таковыми. Они сложная вещь в сердцах людей, которую трудно выразить напрямую. Общая психология считает, что эмоции — это переживание отношения людей и соответствующие поведенческие реакции на объективные явления. Каждый человек, в независимости от национальности, испытывает одни и те же эмоции, хоть и с различием в интенсивности.

Keywords: linguoculturology, concept, anxiety, conceptual metaphor, Chinese language, Russian language.

For citation: Mustafina Yu. A., Koroleva A.S. The Concept of "Anxiety" in Chinese and Russian Linguistic Cultures. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 33–38 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38>

тивный процесс использования известной конкретной вещи для понимания неизвестной абстрактной вещи (Лакофф, Джонсон 2004, 25–68). Эмоции как раз являются таковыми. Они сложная вещь в сердцах людей, которую трудно выразить напрямую. Общая психология считает, что эмоции — это переживание отношения людей и соответствующие поведенческие реакции на объективные явления. Каждый человек, в независимости от национальности, испытывает одни и те же эмоции, хоть и с различием в интенсивности.

Эмоцию с лингвистической стороны можно выразить двумя способами: описывая физиологические выражения и с помощью метафоры.

Обсуждение

В современной лингвокультурологии одно из ключевой единицей исследований является концепт. Маслов В. А. дал такое объяснение: «...концепт — это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения — совокупность языковых средств (лексических, фразеологических и др.)» (Маслова 2007, 27). В.В. Воробьев писал, что концепт выражается в языке разными средствами: лексемы, фразеологизмами и текстами. Он отражает и формирует культурные представления народа. Совокупность концептов формирует концептуальную картину мира (Воробьев 1997, 54).

Китайская концептуальная картина мира формировалась под влиянием конфуцианства, даосизма и иероглифической письменностью. Русская же была сформирована под влиянием православия и классической литературы.

Поскольку эмоции не только переживаются, но и отражаются в языке, возникает такое понятие как «эмоциональный концепт». В китайской концептуальной картине эмоции часто подлежат контролю. В русской картине они часто занимают центральное положение и несут высокую ценность.

В исследовании рассматривается одна из комплексных эмоций — тревожность. По мнению американского психолога Кэррола Изарда данная эмоция не является фундаментальной, а лишь сопровождает «тревогу» вместе со страхом, интересом, страданием, гневом, стыдом и виной (Изард 1980, 292-316).

В китайском языке есть несколько ключевых слов, выражающих данную эмоцию: 焦虑 *jiāo lǔ* тревожиться (термин, который также используется в клинической психологии), 担心 *dānxīn* беспокоиться (о семье, друзьях и т.д.), 不安 *bù'ān* беспокойный (о состоянии).

现代社会很多人都面临着焦虑问题。在 современном обществе многие люди сталкиваются с проблемой тревожности.

她担心自己会说错话，所以一直保持沉默。 Она беспокоилась, что скажет что-то не то, поэтому оставалась молчаливой.

这种异常的安静让我感到十分不安。 Это неестественная тишина заставляет меня чувствовать себя очень беспокойно.

В современном китайском словаре тревога означает стойкое, беспричинное чувство беспокойства, внутреннего напряжения (现代汉语词典 2016, 659, 256, 109). В китайской лингвокультуре тревожность идет в комплексе вместе со стыдом и интересом (предусмотрительность).

На периферии тревожности находятся 忧愁 *yōuchōu* тосковать, 恐慌 *kǒnghuāng* паника.

В русских толковых словарях значение слову тревожности нет. Оно произошло от прилагательного тревожный с помощью суффикса -ость. А тревожный от слова тревога (Ожегов 1994, 702). «Тревога» в русском языке произошла от праславянского корня *terv-* (рвать, резать). Изначальный смысл слова — физическое воздействие с причинением боли.

4) Перед важной встречей она чувствовала нарастающую тревожность.

5) *Лекарство помогает снизить симптомы тревожности.*

Её периферия (интенсивность и оттенок) состоит из: *смятения, тоски, страха, нервозности и паники.*

Как и в китайском языке, в русском тревожность можно показать синонимами: *беспокойство, волнение, смятение и тоска.* В русской лингвокультуре тревожность идет в комплексе со страданием и интересом (смысл).

Описание тревожности в русском языке сопровождается такими концептуальными метафорами как: *терзать, разрывать на части, переполняться тревогой.* В китайском языке повествуют с помощью: 忐忑不安 *tǎntè bùān* *испытывать крайнее волнение*, 心急 *xīnjí* *волноваться*, 心急火燎 *xīnjí huǒliǎo* *гореть нетерпением.*

Распространенные русская идиома «*кошки скребут на душе*» и китайский чэньюй 心烦意乱 *xīnfán yìluàn* «*на душе беспокойство, в мыслях хаос*» демонстрируют разные способы концептуализации. Семантика русского фразеологизма состоит из зооморфной и иррациональной метафор. Китайская семантика — из рациональной метафоры.

Также встречается сходство в описании беспокойного поведения «*как на иголках, как на углях*» и 如坐针毡 *rú zuò zhēnzhān* *сидеть как на подстилке из гвоздей.* Оба выражения подчеркивают физиологическую остроту состояния.

Выделяя соматические признаки, можно заметить, что в обоих языках «тревожность» сопровождается лексемой *сердце.* Только в ки-

тайском языке оно идет как центр эмоций: 心烦 *xīnfán* *тревога*, 心急如焚 *xīnjí rú fén* *сердце будто огнём объято (пылает), гореть от нетерпения, волноваться*, в русском как центр переживаний: *сердце не на месте, сердце сжалось.*

В культурном контексте китайской лингвистике тревожность описывается как связь с долгом, гармонией, например слова 担心 *dānxīn* дословно «*брать на себя сердце*» и 操心 *cāoxīn* буквально «*управлять сердцем*» часто используются, когда хотят сказать я беспокоюсь о ком-то/чем-то. В русской — с переживаниями и неопределенностью судьбы, например: *душа болит, сердце ноет.*

Различаются также метафоры физического воздействия. В китайском языке эмоция связана с огнем и горением 心焦如火 *xīn jiāo rú fén*, в русском языке тревожность сопровождается холод и онемение — *леденящая душу тревога.*

В переживании тревожности состояние описывают таким поведением: 坐立不安 *zuòlì bùān* «*невозможно спокойно ни стоять, ни сидеть*», где акцент на отсутствие состояния покоя, в русском — «*не может усидеть на месте*» описывает неспособность сохранять статичное положение.

Если рассматривать социальный контекст, то катализатором тревожности в русской лингвокультуре служит непредсказуемость внешних обстоятельств и судьбы (неуверенность в завтрашнем дне), в китайской концептуальной картине источником является социальный контекст (страх нарушить обязательства, не соответствовать ожиданиям общества).

Заключение

Любой концепт представляет нам культуру и менталитет народа. Он показывает модель поведения человека в обществе. Концепт «тревожности» в разноструктурных языках имеет как некоторые сходства, так и принципиальные различия. Русская лингвокультура тянется к глубине внутреннего мира, в то время как китайская к социальной гармонии, рациональности и самоконтролю.

Данное исследование показывает, что анализ эмоциональных концептов является отличным инструментом для сопоставления разных менталитетов. Результаты могут быть использованы в межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Понимание различий концептуальных метафор помогает понять носителей другой культуры.

Список литературы

Книги:

1. Лакофф Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. –М.:Изд-во РУДН, 1997.
4. Изард, К. Эмоции человека: Пер. с англ. М., Изд-во Московского. ун-та, 1980.
5. 现代汉语词典 现代汉语词典 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. — 第7版. — 北京 : 商务印书馆, 2016. Редакция словаря Института языкознания Китайской академии общественных наук. — 7-е издание. — Пекин: Commercial Press, 2016. (на кит.яз).
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.

References

1. Lakoff, J., and Johnson, M. Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS, 2004.
2. Maslova, V. A. Cognitive Linguistics. Minsk: TetraSystems, 2008.
3. Vorobyov, V. V. Culturology: Theory and Methods. Moscow: RUDN University Press, 1997.
4. Izard, K. Human Emotions: Trans. from English. Moscow, Moscow University Press, 1980.
5. A Modern Chinese Dictionary/ A Modern Chinese Dictionary. — 第7版. — 北京: 商务印书馆, 2016. Editorial office of the dictionary of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. — 7th edition. - Beijing: Commercial Press, 2016. (in Chinese).
6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. - Ekaterinburg: Ural-Soviet, 1994.

Сведения об авторах

Мустафина Юлия Альбертовна,

ассистент

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

г. Казань, ул.Пушкина 1/55

YuAMustafina@kpfu.ru

Королева Анна Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

г. Казань, ул.Пушкина 1/55

anna89th@mail.ru

Information about the authors

Yulia A. Mustafina,

assistant

Kazan Federal University

Kazan, st. Pushkin 1/55

YuAMustafina@kpfu.ru

Anna S. Koroleva

assistant

Kazan Federal University

Kazan, st.Pushkin 1/55

anna89th@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025